

ТАЖИДИНОВА Ирина Геннадьевна
кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии
Кубанского государственного университета
Краснодар, Российская Федерация
Irina G. TAZHIDINOVA
Cand. Sci. (National History),
Assoc. Prof., Department of Sociology,
Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation
tajidinova@yandex.ru

УДК 94(470)“1941/1945”+[070:355.012](470.620)
ГРНТИ 03.23.55
ВАК 07.00.02

DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.008

**Медиатизация темы
преступлений немецко-
фашистских захватчиков
и их пособников (на примере
Краснодарского процесса 1943 г.)¹**

**Mediatization of the Theme of Crimes
of the German-Fascist Invaders
and Their Accomplices
(On the Example
of the Krasnodar Trial in 1943)**

Статья посвящена процессам медиатизации, сопровождавшим первый открытый суд над пособниками немецко-фашистских захватчиков, состоявшийся в городе Краснодаре 14–17 июля 1943 г. и имевший огромный общественный резонанс. С него начался «Советский Нюрнберг» – ряд открытых судебных процессов, касающихся преступлений, совершенных гитлеровцами и их пособниками в СССР в период Великой Отечественной войны. Тем не менее до настоящего времени роль Краснодарского процесса 1943 г. не оценена в достаточной степени, что связано с проблемами источниковой базы (недоверие к официальным источникам, отсутствие неофициальных источников), влиянием идеологического фактора (мифологизация событий войны), исследовательскими предпочтениями в пользу тех трибуналов, в ходе которых были осуждены непосредственно немецко-фашистские захватчики. Данное исследование реконструирует подготовку Краснодарского трибунала и, прежде всего, ту работу, которую проделали в этом направлении советские печатные СМИ. Используя метод контент-анализа публикаций в советской печатной периодике (региональная газета «Большевик»; центральная газета «Известия») в первой половине 1943 г., мы раскрываем роль советских печатных СМИ в подготовке оснований для судебного преследования немецко-фашистских захватчиков и их пособников за преступления, совершенные в период Великой Отечественной войны. Эта роль заключалась в утверждении пропагандистских установок «политики возмездия», нагнетании ненависти

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Советские судебные процессы над военными преступниками в 1943-1991 гг.: цели, функции и эффекты избирательной медиатизации» № 16-21-08001a(м).

к врагу на эмоциональном уровне. Объективным основанием для такого ракурса выступала статистика и детализация зверств гитлеровцев на освобождаемых от оккупации территориях страны. Относительно презентации Краснодарского процесса в июле 1943 г. в советских СМИ можно заключить, что ее отличали масштабность, цельность и полное соответствие идеологическим стандартам. Центральным звеном этой презентации стала хроника судебных заседаний 14–17 июля. Вплоть до настоящего времени хроника остается основным источником сведений о ходе и особенностях первого открытого суда над военными преступниками. Эти материалы вызвали широкий общественный резонанс не только в СССР, но и в мире. При анализе характерных особенностей презентации Краснодарского трибунала мы уделили основное внимание авторским статьям видных советских журналистов. Суд в Краснодаре освещали мэтры советской журналистики Е. Кононенко и М. Мержанов. В своих очерках они специально сосредоточили внимание на пособниках врага, оказавшихся на скамье подсудимых. Журналисты настойчиво утверждали, что в скором времени суд ожидает главных преступников, то есть самих гитлеровцев. В целом можно заключить, что масштабное и последовательное освещение темы военных преступлений на территории СССР и наступающего возмездия за них в советских печатных СМИ позволяло эффективно решать актуальные внутривнутриполитические и внешнеполитические задачи.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., медиаполитика, советские газеты, журналисты, Краснодарский судебный процесс 1943 г., немецко-фашистские захватчики, коллаборационисты, преступления.

«В Краснодаре повесили 6 предателей, пособников гестапо, — раньше не вешали...» — сообщает запись из частного дневника жителя г. Сочи А. З. Дьякова [9, с. 66]. Она датирована 19 июля 1943 г., занесена в дневник сразу после прочтения свежей прессы. И хотя указанное в ней число казненных неверно, важную для советского человека новость, состоящую в том, что долгожданная месть врагу обретает реальные очертания, она фиксирует точно. Эта месть публична, вершится в правовом поле (к чему советские граждане в известном смысле привыкли ещё в 1930-х гг.), и информация о ней общедоступна (несколько дней подряд советские СМИ буквально «дышат» ею).

Что касается удивления сочинца, то оно объяснимо. Посыл власти, транслировавшийся населению и состоявший в том, чтобы «здесь и сейчас» назвать и показательно наказать виновных (причем из числа сограждан), предстояло еще усвоить. По сути, мирному населению СССР предлагалось отойти от тысячи раз в разных формах утвержденного концепта мести, которую несет и будет нести ненавистному врагу действующая Красная ар-

мия, и подключиться к новому концепту, где простым гражданам в условиях еще незавершенной войны отводилась отнюдь не созерцательная роль. В любом случае «отмашка» была дана, и рядовые советские люди, не всегда отдававшие себе отчет в векторе Краснодарского процесса 1943 г. (и тех, что последовали за ним), выступили зрителями, свидетелями, а по большому счету — вершителями Советского Нюрнберга. Без их непосредственного участия он был бы невозможен. Внимание исследователей к Краснодарскому процессу 1943 г. как к первому в СССР открытому трибуналу по делу о зверствах оккупантов и их пособников, нельзя назвать повышенным. Причина этого в недостатке и однообразии источников, а зачастую и в недоверии к ним [17, с. 50]. В свое время сдерживающее воздействие на советских историков оказывал идеологический фактор — невозможность обсуждать проблемы коллаборационизма всвешенно и гласно. Но и в последние десятилетия изыскания такого рода осложнены — временной дистанцией и известной мифологизацией событий периода Великой Отечественной войны, прочно вошедшей как в обществен-

ное сознание россиян, так и в академическую историографию.

Кроме того, открытые суды над нацистами и их пособниками, прошедшие на территории СССР, оказались в тени Нюрнбергского трибунала [1, с. 98]. Концентрируясь в первую очередь на нем, даже видные специалисты склонны недооценивать роль импульса, который исходил от Краснодарского процесса 1943 г. Так, автор монографии «Подготовка Нюрнбергского процесса» Н. С. Лебедева упоминает Краснодарский (14-17 июля) и Харьковский (15-18 декабря) процессы 1943 г. рядом, однако первый — вскользь, только как факт. Судебный процесс в Харькове притягивает внимание Лебедевой как «первый юридический прецедент наказания нацистских военных преступников» (на скамье подсудимых их было трое) и как «реализация деклараций союзников о наказании военных преступников». Трудно не согласиться с автором, что данный процесс «оказал своего рода давление на правительства союзников, делая невозможным отказ от проведения подобных процессов» [15, с. 30-31], однако, если отвлечься от рассмотрения преимущественно юридической стороны дела, то нельзя не отметить моральное и эмоциональное «давление» открытого суда в Краснодаре на международное сообщество. Знаковая «Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые злодеяния» за подписями Рузвельта, Сталина и Черчилля была опубликована 2 ноября 1943 г. [11, с. 2], то есть за полтора месяца до суда в Харькове. Нет сомнений, что представление о конкретике зверств нацистов на советской земле сложилось к тому моменту во многом благодаря резонансному Краснодарскому процессу.

Для западных ученых советские суды над военными преступниками редко становятся предметом научного анализа, поскольку исследователи не испытывают доверия к официальным источникам, а шансы найти неофициальные рассматривают как близкие к нулю. Осознавая эти сложности, И. Буртман, тем не менее, настаивает на необходимости углубления в данную тему, поскольку анализ того, каким образом осуществлялись судебные процедуры по делам военных преступников в СССР, может не только внести ясность в ряд

«историй» (например, Второй мировой войны, Холокоста), но также пролить свет на саму советскую систему. Исследуя Краснодарский процесс 1943 г. как историческое событие, Буртман реконструирует роли его основных действующих лиц, оценивает его социальные последствия и, главное, стремится выяснить, какой была политическая и идеологическая мотивация власти к проведению подобных процессов (опираясь при этом и на материалы советских СМИ) [20]. Похожие задачи, но уже по поводу другого суда (Краснодарского процесса 1963 г.) и на основе других источников (советской кинодокументалистики), решает В. Вуазен. В своем труде исследователь проводит серьезный сравнительный анализ процессов медиатизации, сопровождавших разделенные двумя десятилетиями суды над военными преступниками в Краснодаре. [22].

Внастоящее время очевидно, что эти процессы, наряду с юридической стороной вопроса, требуют внимательнейшего изучения, поскольку позволяют прояснить многие аспекты медиаполитики советского правительства. Что же касается периодики — мощного средства государственной пропаганды, — то она привлекает внимание прежде всего тем, что всегда содержит дискурс первостепенного — того, что властям в данный конкретный момент представляется наиболее важным. Выявив такого рода «акценты», — важнейшие темы, так или иначе связанные с проблематикой зверств оккупантов и их сообщников на территории Советского Союза, — мы обретаем возможность уточнить факторы, которые сделали неизбежным проведение первого советского суда над военными преступниками уже летом 1943 года.

На самом деле, если бы современники суда и казни в Краснодаре в июле 1943 г. решились отследить некоторые тенденции срединного года войны в динамике по публикациям в советских газетах, они бы, наверняка, убедились в том, что траектория событий, действий и противодействий, которая привела к первому в истории процессу над пособниками немецко-фашистских захватчиков, вряд ли могла быть иной, и уж точно не была случайной. Нами уже публиковались результаты мониторинга ситуации 1943 г., кульминацией

которой стал открытый суд в Краснодаре [19]. Тогда в центре нашего внимания оказалось выявление медийных технологий «подачи» проблематики злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников широкой аудитории, которой потенциально являлось все население страны (и не только оно, но и узнавшая о процессе мировая общественность). В настоящей статье мы сосредоточимся непосредственно на презентации Краснодарского трибунала в советской печатной периодике.

Блжайший к началу процесса всплеск публикаций о зверствах немецко-фашистских захватчиков пришелся на первую половину мая. Если обратиться к ведущей кубанской региональной газете «Большевик» (печатному органу Краснодарского крайкома и горкома ВКП(б)), то в ней вышло 9 публикаций, причем большинство из них были размещены в номере за 12 мая 1943 г., отметившем третий месяц со дня освобождения Краснодара. Эта дата заставила вновь вспомнить «рвы и ямы, заполненные изуродованными трупами стариков, женщин и детей <...> следы, которые тянутся по Кубани на Запад, куда уходят под ударами Красной Армии немецкие банды» [2, с. 1]. Именно здесь прозвучали слова, впоследствии ставшие лейтмотивом презентации советскими средствами массовой информации Краснодарского процесса 14-17 июля 1943 г.: «„Мсть, беспощадная мсть фашистским разбойникам!“ — таков приговор советского народа». О многом говорит уже само употребление в лозунговой части передовицы чисто юридического термина, означающего «важнейший процессуальный акт правосудия», хотя и ясно, что читатели, привыкшие воспринимать лозунги «в общем и целом», вряд ли его выделили.

Однократно далее, вплоть до конца июня 1943 г. в «Большевике» не найти материалов, которые бы настраивали кубанцев на то, что через считанные недели им предстоит участвовать в судебном разбирательстве. Такой своеобразный «режим тишины» (по крайней мере, в советской прессе) тем более удивляет, что именно в это время местные органы НКВД и прокуратуры были буквально завалены работой, связанной с расследованием дел тех жителей Кубани, которым вменялось в вину

сотрудничество с оккупантами (старост, полицейских, бургомистров и др.). С февраля по июнь 1943 г. было арестовано 14 965 человек, дела примерно по каждому пятому случаю попали в Военные Трибуналы, которые (по состоянию на 1 июня) приговорили к высшей мере наказания 763 человека, к различным срокам — 2994 [16, с. 298].

Только в конце июня, то есть буквально за две недели до процесса, на страницах «Большевика» начали появляться «предвестники» судебного разбирательства. Самый общий намек на то, что «немецких злодеев будут судить» содержала передовица номера от 26 июня, являвшаяся перепечаткой из газеты «Правда» [3, с. 1]. Через несколько номеров фокус внимания на правовой аспект закрепил пространственный материал о работе Краснодарской краевой комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, из которого можно было узнать о ее составе, функциях, порядке подачи актов о грабежах и злодеяниях [4, с. 2].

Что касается непосредственно июля 1943 г., — месяца, когда в Краснодаре проходил первый в СССР открытый трибунал над военными преступниками, — то все усилия журналистов были направлены конкретно на освещение процесса. Его хроника масштабно прошла через четыре номера газеты (от 16, 17, 18 и 20 июля), будучи дополненной сопутствующими материалами (передовица и авторские статьи командированных из Москвы корреспондентов). Собственно, обратный отсчет времени, оставшегося до суда, начался еще 13 июля 1943 г., когда на первой странице № 145 «Большевика» появилось «Сообщение ЧГК о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в г. Краснодаре и Краснодарском крае». Данный документ суммировал основную информацию о зверствах оккупантов в крае, назвал имена непосредственных исполнителей преступлений (13 — из числа гитлеровцев, 5 — из числа советских людей, изменивших Родине). «ЧГК все поступившие к ней материалы о чудовищных зверствах немецко-фашистских захватчиков в Краснодаре и Краснодарском крае направила прокурору Союза СССР для расследования и привлечения виновных к уголовной ответственности», —

гласило заключение [5, с. 1]. И хотя в «Сообщении» было напечатано всего пять фамилий коллаборационистов, причем две из них — с ошибками, на скамье подсудимых через сутки окажется одиннадцать человек...

Исторические материалы Краснодарского процесса, проходившего с 14 по 17 июля, попали на страницы не только местных изданий, но и всех советских печатных СМИ. Стенограмма судебных заседаний, являвшаяся центральным звеном этих публикаций, вплоть до настоящего времени остается основным источником сведений о ходе и особенностях первого открытого советского суда над военными преступниками. Отсюда — и повышенное внимание к ней исследователей. Мы можем присоединиться к некоторым сделанным ими заключениям, в частности, к выводам И. Буртмана о распределении ролей на процессе, о слабой доказательной базе причастности большинства подсудимых к конкретным злодеяниям оккупантов [20, с. 250-252, 254-255]. С другой стороны, далеко не все особенности данного источника изучены. Поскольку текст обильно снабжен комментариями, задающими эмоциональное восприятие, диктующими однозначные выводы, у читателя остается слишком мало шансов на собственное мнение и отношение. Особенно это касается допроса обвиняемых прокурором Ячениным. Так, в комментариях к ответам подсудимого Тищенко мы читаем, что он «всячески пытается умалить свою роль», но «каждое слово изобличает его», а о душегубках он рассказывает «подробно, с явным знанием дела». Подсудимый Мисан, согласно комментариям, «производит отвратительное впечатление»; он говорит «невнятной скороговоркой», «пытается увертываться». Этими комментариями зачастую подменяются настоящие ответы на вопросы, которые давали обвиняемые, и, таким образом, читатель может ознакомиться с материалами процесса лишь выборочно. Сомнения в объективности комментариев возникают, например, когда подсудимый Ластовина якобы отвечает, что «с радостью согласился сопровождать грузовики с обреченными людьми [к месту казни]» [18, с. 12-15].

Примитивность пропагандистских приемов бросается в глаза современному историку,

но маловероятно, что она смущала большинство советских граждан в 1943 г. В любом случае материалы процесса потрясли не только Советский Союз, но и весь мир. Об этом, а также о том, что восприятие процесса не было лишено противоречий, пишет Александр Верт: «Это был первый открытый судебный процесс в СССР, на котором всему миру были показаны с массой подробностей зверства гестапо — а в то время о них еще почти ничего не было известно. По сравнению с дальнейшими открытиями, например, Майданеком и Освенцимом, разоблачения, сделанные на процессе в Краснодаре, представляются малозначительными, но они были первым конкретным примером зверств немцев и произвели глубокое впечатление как на военных, так и на население. Процесс подробно освещался в печати несколько дней в начале наступления Красной Армии на Орел. Как средство „воспитания ненависти“ процесс был первоклассным мероприятием, однако все эти подробности — о том, как плачущих детей запикивали в душегубки, — были настолько ужасны, что не только пресса за рубежом давала материал о краснодарском процессе приглушенно, но даже в самом СССР некоторые скептики думали про себя, не было ли все это немного преувеличено в пропагандистских целях; они же не знали, что краснодарское дело, связанное „всего“ с 7 тысячами жертв, — лишь незначительный эпизод в деяниях гестапо и СД по всей Европе» [8, с. 532].

Мы уже обращали внимание на то, что фотопрезентация советскими печатными СМИ Краснодарского процесса была сосредоточена на жертвах [21], а теперь остановимся на авторских статьях, которые, напротив, сфокусированы на «палачах». По нашему мнению, такая «конфигурация» как минимум выполняла функцию взаимодополнения, обрамляя центральное звено — представление самих материалов судебного процесса. Впечатляет завершенность получившейся в итоге «картины» исторического события первого в СССР открытого суда над военными преступниками, а что касается ее монохромности, то разве краски могли быть иными?

К освещению первого судебного процесса над пособниками врага были привлечены

журналисты-профессионалы, и наиболее интересной фигурой здесь представляется Елена Кононенко, специальный корреспондент газеты «Правда». О Кононенко известно, что она начала работу в советской печати в первые послереволюционные годы и впоследствии состоялась как известная советская журналистка и автор рассказов для детей, была членом Союза писателей СССР, за успешную работу награждена орденом Ленина и орденом Великой Отечественной войны 1-й степени [14, с. 3]. Ко времени командировки в Краснодар в июле 1943 г. Кононенко создала себе имя разноплановыми публикациями в центральной прессе, сфокусированными на человеке в экстремальных условиях войны. В контексте рассматриваемой темы особого внимания заслуживает ее очерк «Бессмертие» (1942 г.), написанный по следам командировки в г. Волоколамск. По странному стечению обстоятельств его содержание окажется связано с событиями, свидетелем и фиксатором которых Кононенко станет в июле 1943 г. в Краснодаре.

Можно предположить, что журналистка Кононенко была выбрана для освещения Краснодарского процесса не случайно (разумеется, случайностям в советской журналистике такого уровня места не было) и не напрасно. Редкая способность к сопереживанию к тому моменту уже нашла подтверждение в ее статьях и очерках, а опыт работы в советской печати исчислялся двумя десятками лет. Соответственно, ожидания, что потенциал журналистки по-новому раскроется в процессе работы с таким сложным (а главное — совершенно новым) материалом, как первый открытый суд над военными преступниками, имели под собой прочные основания. Это было тем более важно, что речь шла о пособниках врага, то есть советских людях, изменивших родине, народу, партии, и поэтому журналист, писавший на эту тему, был подобен саперу на минном поле. Предстояло соблюсти уже отработанные в советской печати «ритуалы», а также в обязательном порядке изобрести собственные способы презентации этой острой и болезненной темы.

Что касается журналистских приемов Кононенко, то она фактически приковала внимание читателей к «скамье подсудимых», на ко-

торой «сидели и ерзали одиннадцать карателей и шпионов из „Зондеркоманды СС-10А“, вдохновляемой германским полковником-палачом Кристманом». Глаза присутствовавших на процессе (юристов, журналистов, публики) стали глазами «всех советских граждан в тылу и на фронте, с волнением следящих за процессом» в Краснодаре. Их напряженное внимание, когда «от скамьи подсудимых невозможно отвести взгляд», было подчинено одной цели: «...узнать и понять: кто же они — эти чудовища? Как они могли продать врагу свою Родину, свой народ, душировать своих земляков, мыть руки в крови советских детей! Кто они?» [6, с. 1]. Отсюда и сосредоточенность на образах подсудимых. Если не считать опубликованных (как мы знаем, в усеченном и отфильтрованном виде) материалов судебного процесса, статьи Кононенко можно назвать едва ли не единственным свидетельством того, как выглядели и как вели себя эти одиннадцать человек, хотя особенности их поведения во время судебных заседаний, возможно, намеренно утрированы.

Тексты Кононенко выдают заведомую предвзятость к подсудимым, которая, как это ни парадоксально, всегда сходилась в советской журналистике за объективность. Ни одному из одиннадцати априори не дается шансов оправдаться какими-то личными обстоятельствами, заглаживать вину; в этом смысле все журналисты, описывавшие процесс, проявляли жесткость и непреклонность, равную той, которую демонстрировал советский суд. Однако, в отличие от юристов, журналисты могли использовать для обличения более богатый арсенал профессиональных приемов.

Так, в описании Елены Кононенко группа на скамье подсудимых предстает отчасти в карикатурном виде. Персональное внимание уделено практически каждому, и получившийся в итоге коллективный портрет призван вызвать не только ненависть, но и омерзение. Вероятно, решение Кононенко в пользу более объемного описания того или иного подсудимого складывалось под впечатлением от инкриминируемых ему преступлений и оглашенных на суде деталей его карьеры у немцев. Поэтому максимум внимания получил Тищенко, достаточно подробно представлены Пушкин и Речкалов. Однако на выбор журна-

листки влияли и другие факторы. Фигура Тучкова, к примеру, попала в зону повышенного внимания из-за «преступных наклонностей» всей его семьи. Сходная ситуация сложилась и с «седоватым кулаком» Ластовиной, нынешнюю вину которого практически заслонило кулацкое прошлое. Образы Мисана и Парамонова, судя по всему, оказались в статье из-за специфики их поведения во время судебных заседаний, а Котомцев фигурировал в ней просто как человек с хулиганским прошлым. Похоже, Кононенко не имела дополнительных данных о подсудимых и отталкивалась от информации, которая озвучивалась на самом процессе, а также от собственных визуальных и эмоциональных впечатлений. Ведь будь она более информированной и прозорливой, возможно, вместо «менее активных пособников» Тучкова и Парамонова (так они были квалифицированы по приговору суда, получив в наказание по 20 лет ссылки каждый), уделила бы внимание Кладову, впоследствии приговоренному к смертной казни. В итоге читателю известна конкретика преступлений лишь четырех подсудимых.

В выводах статьи «Зондер-банда» Кононенко настаивает на том, что подсудимые не только никогда не были «честными советскими гражданами», но что они и вовсе «не русские люди». Поэтому кажется оскорбительным, что они говорят по-русски и носят русские имена — Иван, Василий, Игнатий. Раздражающим фактором выступает даже то, что подсудимые одеты в типичную для советских граждан одежду — пиджаки, вышитые рубашки. Тем не менее далее Кононенко признает, что группа на скамье подсудимых — это «человеческий шлак антисоветски настроенных советских людей», который только и могли завербовать себе в помощники гитлеровцы. И здесь логично возникает второй, тенью следующий за первым, план данной статьи.

Действительно, в финале читателям предлагается разглядеть за спинами арестованных пособников, которым, кстати, пришлось бы «весьма к лицу» немецкие каски и мундиры, «тех, кого в зале нет, но кого советский народ тоже сегодня судит...». Таким образом, резюмирует автор, в Краснодаре сейчас идёт суд и «над всей фашисткой Германией»,

а рядом с фигурами одиннадцати подсудимых можно увидеть «...потный лоб со сбившейся прядью волос и безумную улыбку Гитлера, холодный глаз гитлеровского генерала Руофа, порезанную бритвой физиономию шефа краснодарского гестапо полковника Кристмана, паучьи руки доктора-палача Герца, уши Раббе...» [6, с. 1]. Этой сюрреалистичной картиной, которая, однако, несет в себе вполне реалистичную идею, завершается статья. В день ее публикации восемь из одиннадцати подсудимых были приговорены к смертной казни через повешение.

Наверное, иенно здесь необходимо вспомнить о 37-страничном очерке Елены Кононенко, опубликованном отдельной книжкой в 1942 г. [12]. Называлось произведение «Бессмертие. Рассказ о восьми молодых советских людях, повешенных фашистско-немецкими злодеями в городе Волоколамске». Очерк повествовал о судьбе отряда из восьми юношей и девушек, заброшенных в тыл врага, попавших в плен и повешенных немцами. Как известно, после окончания судебного процесса 18 июля 1943 г. в 13 часов на одной из площадей Краснодара были повешены восемь пособников немецко-фашистских захватчиков. Собственно, для нас параллели очевидны, и остается лишь вопрос, насколько сама журналистка Елена Кононенко отдавала себе в них отчет. На казни она точно присутствовала, поскольку позднее появилась статья «Правосудие свершилось!», которая описывала качающиеся на виселицах трупы с табличками на груди «Казнен за измену Родине», а также потоки жителей, стекающихся из пригородов и станиц к месту казни [13, с. 41-43].

Линию на облчение виновных в злодеяниях на Кубани из числа самих немецко-фашистских захватчиков продолжил другой известный журналист — Мартын Иванович Мержанов. Он был военным корреспондентом «Правды», в 1941-1945 гг. находился преимущественно в частях действующей армии. В статье «Мечь народа», напечатанной в «Большевике» 18 июля 1943 г., Мержанов в буквальном смысле продублировал возникший в статье Кононенко днем раньше образ «невидимо вставших на скамье подсудимых не пойманных еще немецких злодеев» и, от-

толкнувшись от него, набросал характерные черты некоторых из них. «Точно под лучами прожектора стал виден шеф гестапо полковник Кристман, ариец, умевший насилловать женщину в своем кабинете, пытаться советских граждан в подвалах, рассылать страшную машину-душегубку», — написал он об одном из главных обвиняемых. Фрагменты статьи, персонально посвященные гитлеровцам, ответственным за организацию террора в регионе, прицельно высвечивали доминанты их личностей. Так, в Кристмане была выделена ненасытность, которую тот не мог удовлетворить «ни пытками, ни насилуем, ни убийствами»; именно поэтому он стремился участвовать во всем «лично». В офицере гестапо Герце, «напялившем на себя благородный халат врача», подчеркивалось спокойствие; оно не покидало Герца и во время самых страшных «операций». Типично немецкой фигурой предстал капитан Раббе, достигший профессионализма в «искусстве истреблять людей». Наконец, «офицеры Босс, Сарго, Сальге, Винц и другие — каждый на своем посту, — у виселиц, у ям, у „душегубки“, в подвалах, — с немецкой аккуратностью вешали, расстреливали, душили, загоняли иголки под ногти, скальпировали, насилуovali, издевались над русскими людьми» [7, с. 2]. Таким образом, в преступлениях оккупантов нашел извращенное подтверждение стереотип о педантизме немцев, проявляемом и в зверствах.

Вообще, пропагандистские статьи, которыми ряд советских газет сопровождал материалы Краснодарского процесса, помещались в традиционной рубрике «Из зала суда». В отличие от рассмотренных нами выше текстов Кононенко и Мержанова, эти статьи в меньшей степени детализировали вину конкретных подсудимых и не столь изошренно апеллировали к эмоциям читателей. Они ставили своей целью трансляцию как можно более цельного и четкого представления об акте правосудия, свершавшемся в Краснодаре. Среди основных идей, которые педалировались в авторских статьях специальных корреспондентов центральных печатных изданий, была мысль о том, что помимо сегодняшних ответчиков («немецких холопов и холуев», но при этом «не слепых орудий, а соучастников»)

на «свободной [пока] скамье подсудимых» непременно должны оказаться «руофы и кристманы». В статье спецкора «Известий» Б. Ильина даже дважды упоминалась Европа, подобно СССР страдающая от гитлеровских преступлений, в том числе «колесящих по ее дорогам душегубок» [10, с. 2]. Подобные параллели, как и общий контекст авторских выступлений в советской прессе в дни Краснодарского процесса, проясняют роль советских СМИ в реализации медиаполитики государства по вопросу возмездия немецко-фашистским оккупантам.

Краснодарский процесс над пособниками врага и их казнь следует рассматривать только как верхушку айсберга, предъявленную широкой общественности, в том числе международной, с определенными целями. В том же самом июле 1943 г. по населенным пунктам Краснодарского края прокатилась волна публичных казней коллаборационистов, не получивших никакой огласки в прессе. Что касается последствий Краснодарского процесса, то можно вести речь о его роли в преодолении нараставшего едва ли не с начала войны «внутреннего диссонанса». Максимум внимания, отведенный освещению темы коллаборационизма (на примере подсудимых на Краснодарском процессе), позволял теперь минимизировать ее в публичном дискурсе (где она и так возникала редко и бессистемно), чтобы далее не вносить сомнения в умы, не отвлекать население от решения текущих задач. В этом смысле показательно, что в публикациях «Большевика» с момента завершения процесса до конца 1943 г. (а это более 5 месяцев) пособничество на территории региона практически не упоминалось.

Итак, одной из квозных тем советской периодической печати в 1943 г. были в высшей степени позитивные новости об освобождении от временной оккупации немецко-фашистскими захватчиками городов и сел Советского Союза. Однако зачастую им сопутствовала публикация крайне негативной информации — фактов чудовищных злодеяний армии противника на захваченных территориях. Такие факты в полной мере открывались не сразу; они восстанавливались на основе рассказов очевидцев, актов обследований конкретных населенных пунктов военными частями

и местными органами власти, медицинских экспертиз. Получение более-менее точной картины преступлений гитлеровцев против мирных советских граждан становилось реальным только после раскапывания ям и рвов, эксгумации трупов, тяжелейших процедур опознания тел родными и близкими. В результате потрясение от прочитанного в статьях и увиденного на фотографиях нарастало, место разрозненных сведений постепенно занимало обобщенное представление о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков (их методах, формах, масштабах). Благодаря газетным материалам о совершенном фашистами теперь знали не только жители определенного населенного пункта — об изоциренных преступлениях против человечества узнала вся страна. В этом контексте понятно, что ожидание населением моральной компенсации за принесенные жертвы возрасало.

Данную тенденцию можно рассматривать как главный фактор того, что необходимость пригвоздить преступников к позорному столбу не только в печати, но и в суде ставилась в повестку дня. Созданная еще 2 ноября 1942 г. Чрезвычайная Государственная Комиссия собирала и публиковала документальные материалы о военных преступлениях, руководствуясь достаточно ясными целями. Благодаря первому открытому трибуналу над военными преступниками в Краснодаре, максимально широко и детально освещенному советскими средствами массовой информации, в мировой повестке с непреложностью утвердилась тема судебной ответственности нацистов. С другой стороны, после Краснодарского процесса власть получила право считать чрезвычайно неудобную тему коллаборационизма практически исчерпанной для публичного обсуждения.

Irina G. TAZHIDINOVA

Mediatization of the Theme of Crimes of the German-Fascist Invaders and Their Accomplices (On the Example of the Krasnodar Trial in 1943)

Abstract. The article analyzes the processes of mediaization, which accompanied the historical event of the first open trial of the accomplices of the German-Fascist invaders. It began with a “Soviet Nuremberg” – a series of open trials of crimes committed by the Nazis and their accomplices in the USSR during the Great Patriotic War. However, to date, the role of the Krasnodar Trial in 1943 has not been adequately assessed. This is due to the problems with the sources (mistrust of official sources, lack of unofficial ones), to the influence of the ideological factor (mythologization of the events of war), research preferences in favor of tribunals that convicted the German-Fascist invaders. This article reconstructs the preparation of the Krasnodar Trial and, above all, the work that the Soviet print media did in this respect. Using the method of content analysis of publications in the Soviet printed periodicals (regional newspaper *Bolshevik*; central newspaper *Izvestia*) in the first half of 1943, the author reveals the role of the Soviet printed media in the preparation of the grounds for prosecuting the Nazi invaders and their accomplices for crimes committed during the Great Patriotic War. This role consisted in asserting the propaganda attitudes of the “policy of retaliation”, forging up hatred towards the enemy on an emotional level. The objective basis for such an attitude was the statistics and detailing of the Nazis’ atrocities in the country’s liberated territories. The features of presentation of the Krasnodar Trial in July 1943 in the Soviet media were its scale, integrity and full compliance with ideological standards. The central element of the presentation was the chronicle of court sessions of 14–17 July. Until now, the chronicle remains the main source of information on the course and features of the first open trial of war criminals. These materials produced a strong effect not only in the USSR, but also in the world. When analyzing the characteristic features of the presentation, the author focused on articles by prominent Soviet journalists. The Krasnodar Trial was covered by the professionals of Soviet journalism E. Kononenko and M. Merzhanov. In their articles, they specifically focused on the accomplices of the enemy, caught up in the dock. The journalists insisted that soon a trial was to come of the main

criminals, i.e. the Nazis themselves. In general, it can be concluded that the large-scale and consistent coverage of the topic of war crimes on the territory of the USSR and the coming retribution for them in the Soviet print media made it possible to effectively solve current domestic political and foreign policy objectives.

Keywords: Great Patriotic War, media policy, Soviet newspaper, journalists, Krasnodar Trial in 1943, German-Fascist invaders, collaborationists, crimes.

Использованная литература:

1. Асташкин Д. Ю. Советский Нюрнберг. Как судили нацистских преступников в СССР // Родина. 2015. № 12. С. 98–102.
2. Большевик. 12 мая 1943. № 101. С. 1–2.
3. Большевик. 26 июня 1943. № 133. С. 1.
4. Большевик. 30 июня 1943. № 138. С. 2.
5. Большевик. 13 июля 1943. № 145. С. 1.
6. Большевик. 17 июля 1943. № 148. С. 1.
7. Большевик. 18 июля 1943. № 149. С. 2.
8. Верт А. Россия в войне 1941–1945 гг. М.: Прогресс, 1967.
9. Герои терпения. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения: сб. док. Краснодар: Диапазон-В, 2010.
10. Известия. 16 июля 1943. № 166. С. 2.
11. Известия. 2 ноября 1943. № 269. С. 2.
12. Кононенко Е. Бессмертие: рассказ о восьми молодых советских людях, повешенных фашистско-немецкими злодеями в городе Волоколамске. М.: Молодая гвардия, 1942.
13. Кононенко Е. Перед судом народа. Краснодар: Традиция, 2014.
14. Кононенко Е. Это – жизнь. М.: Правда, 1964.
15. Лебедева Н. С. Подготовка Нюрнбергского процесса. М.: Наука, 1975.
16. Очерки истории кубанской прокуратуры: материалы и документы. Краснодар: Советская Кубань, 1999.
17. Сорокина М. Ю. «Свидетели Нюрнберга»: от анкеты к биографии // Право на имя: Биография как парадигма исторического процесса. Вторые чтения памяти В. Иофе. Сб. докл. СПб.: Мемориал, 2005. С. 50–63.
18. Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории города Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации. М.: Госполитиздат, 1943.
19. Тажидинова И. Г. Материалы советской прессы как исторический источник о подготовке Краснодарского процесса 1943 г. // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 124–134.
20. Bourtmán I. “Blood for blood, Death for death”: The Soviet Military Tribunal in Krasnodar, 1943 // Holocaust and Genocide Studies. 2008. Vol. 22. № 2. P. 246–265.
21. Tazhidinova I. G. Mediatization of the Topic of Human Victims of the Occupation in the Soviet Newspaper Periodicals of 1943 (on the Example of Photographic Materials) // Propaganda in the World and Local Conflicts, 2018, 5(1). P. 26–31.
22. Voisen V. “Au nom des vivants”, de Léon Mazroukko: rencontre entre dénonciation officielle et

References:

1. Astashkin, D.Yu. (2015) Sovetskiy Nyurnberg. Kak sudili natsistskikh prestupnikov v SSSR [A Soviet Nuremberg. How they ekshuv Nazi criminals in the USSR]. *Rodina*. 12. pp. 98–102.
2. *Bol'shevik*. (1943) 12 May. 101. pp. 1–2.
3. *Bol'shevik*. (1943) 26 June. 133. p. 1.
4. *Bol'shevik*. (1943) 30 June. 138. p. 2.
5. *Bol'shevik*. (1943) 13 July. 145. p. 1.
6. *Bol'shevik*. (1943) 17 July. 148. p. 1.
7. *Bol'shevik*. (1943) 18 July. 149. p. 2.
8. Vert, A. (1967) *Rossiya v voyne 1941–1945 gg.* [Russia in the war of 1941–45]. Moscow: Progress.
9. Tazhidinova, I.G. (ed.) (2010) *Geroi terpeniya. Velikaya Otechestvennaya vojna v istochnikakh lichnogo proiskhozhdeniya: sb. dokumentov* [Heroes of patience. The Great Patriotic War in the sources of personal origin: Documents]. Krasnodar: Diapazon-V.
10. *Izvestiya*. (1943) 16 July. 166. p. 2.
11. *Izvestiya*. (1943). 2 November. 269. p. 2.
12. Kononenko, E. (1942) *Bessmertie. Rasskaz o vos'mi molodykh sovetskikh lyudyakh, poveshennykh fashistsko-nemetskimi zlodeyami v gorode Volokolamske* [Immortality. The story of eight young Soviet people hanged by Fascist-German villains in Volokolamsk]. Moscow: [s.n.].
13. Kononenko, E. (2014) *Pered sudom naroda* [Before the people's court]. Krasnodar: Traditsiya.
14. Kononenko, E. (1964) *Eto – zhizn'* [This is life]. Moscow: Pravda.
15. Lebedeva, N.S. (1975) *Podgotovka Nyurnbergskogo protsessa* [Preparation of the Nuremberg trials]. Moscow: Nauka.
16. Anon. (1999) *Ocherki istorii kubanskoj prokuratury: materialy i dokumenty* [Essays on the history of the Kuban prosecutor's office: Materials and documents]. Krasnodar: Sovetskaya Kuban'.
17. Sorokina, M.Yu. (2005) “Svideteli Nyurnberga»: ot ankety k biografii [“Witnesses of Nuremberg”: From a file to a biography]. *Pravo na imya: Biografiya kak paradigma istoricheskogo protsessa* [Right to a name: Biography as a paradigm of the historical process]. Proceedings of the Second Readings in Memory of V. Jofe. St. Petersburg: Memorial; Nord-Vest. pp. 50–63. (In Russian).
18. Anon. (1943) *Sudebnyy protsess po delu o zverstvakh nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov i ikh posobnikov na territorii goroda Krasnodara i Krasnodarskogo kraja v period ikh vremennoy okkupatsii* [The trial of the atrocities of the Nazi invaders and their accomplices in Krasnodar and in Krasnodar Krai during their temporary occupation]. Krasnodar: [s.n.].

hommage personnel // Pozner V., Laurent N. *Kinojudaica. Les représentations des Juifs dans le cinéma russe et soviétique*. Paris: Nouveau Monde éditions, 2012. P. 90–117.

19. Tazhidinova, I.G. (2017) Materials of Soviet Press as a Source on Preparation of the Krasnodar Trial in 1943. *Vestnik arkhivista – Herald of an Archivist*. 4. pp. 124–134. (In Russian). DOI: 10.28995/2073-0101-2017-4-124-134

20. Bourtnan, I. (2008) “Blood for blood, Death for death”: The Soviet Military Tribunal in Krasnodar, 1943. *Holocaust and Genocide Studies*. 22 (2). pp. 246–265. DOI: 10.1093/hgs/dcn027

21. Tazhidinova, I.G.(2018) Mediatization of the Topic of Human Victims of the Occupation in the Soviet Newspaper Periodicals of 1943 (On the Example of Photographic Materials). *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 5(1). pp. 26–31. DOI: 10.13187/pwlc.2018.1.26

22. Voisen, V. (2012) “Au nom des vivants”, de Léon Mazroukho: rencontre entre dénonciation officielle et hommage personnel. In: Pozner, V. & Laurent, N. (eds) *Kinojudaica. Les représentations des Juifs dans le cinéma russe et soviétique*. Paris: Nouveau Monde éditions. pp. 90–117.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Тажидинова, И. Г. Медиатизация темы преступлений немецко-фашистских захватчиков и их пособников (на примере Краснодарского процесса 1943 г.) [Электронный ресурс] / И. Г. Тажидинова // Наследие веков. – 2019. – № 3. – С. 80–90. DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.008

Full bibliographic reference to the article:

Tazhidinova, I. G. (2019) Mediatization of the Theme of Crimes of the German-Fascist Invaders and Their Accomplices (On the Example of the Krasnodar Trial in 1943). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 80–90. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.008